© 2021. М. И. Щербакова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Корреспондент святителя Феофана «г-жа NN»

Аннотация: В статье представлены материалы о Варваре Александровне Иордан — корреспонденте и духовной дочери свт. Феофана, письма к которой более века печатались как «Письма к г-же NN». Соккрытие подлинных имен корреспондентов свт. Феофана часто диктовалось волей самих адресатов, удалявших при подготовке писем к публикации узнаваемые факты и подробности. Имя «г-жи NN» установлено по упоминанию этой персоны в письме к В. В. Швидковской. Родственными узами В. А. Иордан (в девичестве Пушина) была связана с семьей ректора Санкт-Петербургского университета П. А. Плетнева, через которого познакомилась со своим будущим мужем, известным гравером Ф. И. Иорданом. Атмосфера семейного счастья способствовала успешной работе Иордана над вторым гравированным портретом Н. В. Гоголя; подтверждение — в не публиковавшихся ранее письмах Ф. И. Иордана к Ф. В. Чижову. Переписка В. А. Иордан со свт. Феофаном началась в 1879 г., за четыре года до кончины мужа. Сохранившиеся письма содержат сведения о внешних событиях жизни В. А. Иордан, а также о ее духовном росте под влиянием свт. Феофана; бесценны его рекомендации и советы, оценки и суждения. В письмах много уникальных свидетельств о том, как протекала в последние годы жизнь Вышенского затворника.

Ключевые слова: духовная словесность, свт. Феофан Затворник Вышенский, В. А. Иордан, Ф. И. Иордан, письма.

Информация об авторе: Марина Ивановна Щербакова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 17.11.2020

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.01.2021

Дата публикации статьи: 22.03.2021

Для цитирования: Щербакова М. И. Корреспондент святителя Феофана «г-жа NN» // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 262–283. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-262-283>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 262–283. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 262–283. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Marina I. Shcherbakova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“Mrs. NN”, Correspondent of St. Theophan

Abstract: The article presents materials about Varvara Alexandrovna Iordan, a correspondent and spiritual daughter of St. Theophan, whose letters to her have been printed for over a century as “Letters to Mrs. NN.” Concealment of true names of St. Theophan’s correspondents was often dictated by the addressees themselves, who removed recognizable facts and details when preparing letters for publication. The name of “Mrs. NN” is defined by the mention of this person in a letter to V. V. Shvidkovskaya. By family ties V. A. Iordan (nee Pushchina) was connected with the family of the rector of St. Petersburg University P. A. Pletnev, thanks to whom she met her future husband, the famous engraver F. I. Iordan. The atmosphere of family happiness contributed to the successful work of Iordan on the second engraved portrait of N. V. Gogol, which is confirmed by previously unpublished letters from F. I. Iordan to F. V. Chizhov. Correspondence between V.A. Iordan and St. Theophan began in 1879, four years before the death of her husband. The surviving letters contain information on external events in the life of V.A. Iordan, her spiritual growth under the influence of St. Theophan; his recommendations and advice, assessments and judgments are invaluable. The letters contain many unique testimonies of how the life of the Vysha hermit proceeded in recent years.

Keywords: Spiritual literature, St. Theophan the Recluse, V. A. Iordan, F. I. Iordan, letters.

Information about the author: Marina I. Shcherbakova, DSc in Philology, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Received: November 17, 2021

Approved after reviewing: January 29, 2021

Published: March 22, 2021

For citation: Shcherbakova, M. I. ““Mrs. NN”, Correspondent of St. Theophan.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 1, 2021, pp. 262–283. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-262-283>

После блаженной кончины святителя Феофана, Затворника Вышенского в январе 1894 г. почти две тысячи его писем были опубликованы на страницах журналов «Душеполезное чтение», «Христианин», «Душеполезный собеседник», редакции которых специально обратились к читателям с просьбой присылать сохранившиеся у адресатов письма преосвященного. Известно, что корреспонденты свт. Феофана принадлежали к различным слоям общества: архипастыри и сельские священники, настоятели монастырей, иноки, послушники, петербургские аристократы и мелкопоместное дворянство, чиновники, учителя, купеческие семьи, городское мещанство, крестьяне.

Текстологическая работа с эпистолярными материалами при подготовке к изданию не проводилась, поскольку необычность ситуации ставила публикаторов в сложное положение: наряду с неизмеримой духовной ценностью писем свт. Феофана, в них легко угадывались исповедальные подробности частной жизни адресатов, многие из которых еще были живы и известны в своих кругах. Естественным оказалось решение спрятать подлинные имена за инициалами, в том числе и вымышленными. Но благодаря именно журнальным публикациям значительная часть эпистолярного наследия свт. Феофана сохранилась.

Появившееся вскоре первое книжное издание писем свт. Феофана — в восьми выпусках — осуществил Афонский Русский Пантелеимонов монастырь в 1898–1901 гг. Эти выпуски лишь объединили избранные журнальные публикации двух тысяч писем, повторив их текст.

В 2001 г. издательство «Правило веры» подготовило том, составленный из писем свт. Феофана, не вошедших в афонское издание. В него включена, в частности, переписка с полковником С. А. Первухиным, изданная Киевской духовной академией в 1915 г. к 100-летию преосвященного. Дополнен том и двенадцатью письмами духовных лиц к свт. Феофану. При подготовке этого издания использовалось прило-

жение к диссертационному исследованию архимандрита Георгия (Тертышникова) «Письма епископа Феофана к разным лицам, не вошедшие в VIII выпусков».

В 2012 г. тем же издательством «Правило веры» было выпущено Собрание писем святителя Феофана в пяти томах. Не являясь научным, оно объединило письма преосвященного по тематическому принципу: «Письма к мирянам. Наставления о молитве и благочестии», «Укоренение в духовной жизни», «Конкретное духовное руководство. О молитве особо. Духовникам и благочинным монастырей, протоиереям», «Окормление семьи. О христианской жизни» и «О церковной жизни. Об издании своих трудов».

Пятый том завершается обширным «Тематическим указателем к Собранию писем святителя Феофана» с пояснением от Русского Афонско-Пантелеимоновского монастыря: «Указатель сей составлен отцом архимандритом Никодимом, смотрителем Санкт-Петербургского Александро-Невского духовного училища, в одиннадцати отделах: о Боге и Его творении; о созидании спасения в семье, в иночестве, в мире; о делании духовном; о пороках и добродетелях; о болезнях; об исповеди и Святом причащении; смерти и Страшном суде; о Священном Писании, так что каждый желающий легко может отыскать ему потребное во спасение».

Тезис об универсальности «потребного во спасение» представляет не только уязвимым, но и спорным. В Патерике есть рассказ о том, как к одному авве пришел брат с исповедальным вопросом; вслед за ним в келью зашел и другой брат, исповедуясь в том же грехе; но оба они получили от аввы разные советы. Очевидно, что прозорливый старец видел, что кому из них потребно. Напрашивается вывод: читая письма преосвященного Феофана с ответами и наставлениями, важно ясно представлять, кому они адресованы.

В письме свт. Феофана от 2 июня 1889 г. на вопрос корреспондента, «прекратить ли каждодневное служение литургии», следует ответ: «Прекратите, ничтоже сомняся. Сколько лиц, говорящих вам это, — и не кое-каких, а главарей... кои все благожелательно к вам расположены! Как не послушать их? Если б о. Иероним был жив — и он то же бы присоветовал. И я присоединяю к ним свой голос. Литургисайте во все воскресные и праздничные дни и во дни нарочитых святых и довольно. Причащаться же, если будет потребность, можно и чаще... без

литургисания» [Творения 2001: 188]. Адресат — настоятель Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне архимандрит Макарий (Сушкин), которому предстояло через полмесяца (19 июня 1889 г.) отойти в мир иной.

На сокрушения еще одного корреспондента, — В. В. Швидковской, — что плохо молится и не держит подвигов, отвечает словами свт. Тихона Задонского: «*Болящему какая молитва? Благодарение и воздыхание*». Тем замещается и всякий подвиг. Благодушествуйте же!» [Творения 1994. 6: 216]. А юной особе, только вступающей на путь ко спасению, пишет строго: «Мускулы и всего тела держите в напряжении — в струнку, не распуская ни одного члена сибаритно. Если вы одни, жгутом или четками отдуйте себя по плечам, до боли порядочной. Это успешнее всего злую рабу плоть обращает к покорности и смиряет. Из еды — все жирное и крепко питательное устранить надо на это время, и поменьше есть. Можно выбрать пищу не горячую, а холодящую. Вместо мягкого кресла для сиденья — возьмите жесткую табуретку. Спать — снимите тюфяк... и постелите одно одеяло... И покройтесь чем-либо прохладным... В комнате поменьше тепла... Освежаться на воздухе хорошо... но и чувства блюсти. Все же упование возверзите на Господа» [Творения 1994. 4: 96–97]. Не менее твердо наставляет свт. Феофан молодого человека, приводя пример некоего дворянина: «Борьба у него была с блудной страстью. Он держал под подушкой плетью... и как плоть начинала свои тревоги, он дул себя без жалости плетью... и усмирил плоть. Попробуйте...» [Творения 1994. 5: 104–105].

В письме к монастырскому духовнику, обращавшемуся за советами, свт. Феофан наметил необходимость такого рассудительного подхода: «Хорошо делаете, что сокрушающегося разрешаете прямо, не налагая епитимии; но говорите ему: брате, сохрани сей дух сокрушен и подновляй его, когда ослабевает. — А тому, кто холодно исповедуется, — тому, разрешив его, скажите: брате, позаботься стяжать и утвердить в себе дух сокрушен, — а для сего — клади по три земных поклона в церкви или дома, с молитвою: дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно даруй мне Господи!» [Творения 1994. 5: 216].

Как видим, вопрос об адресате — один из важнейших при подготовке научного издания писем свт. Феофана. Задача современных исследователей — восстановить исторический контекст, установить адресатов, снабдить эпистолярные документы реальным комментарием.

В составе первого афонского выпуска писем свт. Феофана опубликованы «Письма к г-же NN, сообщенные г-м К. Е.» — всего семь документов с пояснением: «К ней же будут напечатаны еще четыре письма в одном из следующих выпусков» [Творения 1994. 1: 265].

1879: 18 октября

1880: 18 мая, 18 июня

1881: 28 апреля, 4 декабря

1882: 13 января, апрель.

Продолжение публикации последовало в четвертом выпуске; но не четыре письма, а 35 — с пояснением: «Первых 7 писем в I выпуске стр. 115 №№ 114–120» [Творения 1994. 4: 3].

1882: 28 октября

1883: 23 февраля, март, 22 апреля, 26 июля,

1887: апрель

1888: 6 июня, 26 октября, 20 декабря,

1890: 22 февраля, 3 июля

1891: 13 января, 22 августа

1892, 23 января, 17 февраля, 24 марта, 15 апреля, 3 июня, 10 сентября, 5–11 октября, 15 ноября, 17 ноября

1893: 17 января, 11 февраля, 8 марта, 13 апреля, 28 апреля, 16 июня, 11 июля, 22 сентября, 22 ноября, 30 ноября, 3 декабря, 15 декабря, 29 декабря.

Раскрыть имя адресата оказалось возможным по письму от 26 октября 1888 г. В нем, в частности, свт. Феофан высказывает мысль о том, что человеку, прежде чем покончить земное, надо «сочинить *добрый ответ на судище Христовом по смерти*. Сочинить не мыслями, а делами и написать не на бумаге, а на естестве своем, на душе и теле, чтобы Господу и читать не надлежало, а взглянуть только и все увидеть» [Творения 1994. 4: 21–22]. И далее: «Дозвольте мне задать вам задачу, для решения: *какой ответ на судище Христовом добрый, и в чем он состоит?* Когда решите — напишите. Времени не назначается, хоть всю жизнь свою будете искать решения, только ни одного дня не пропускайте без думанья о сем, а если это мало, то ни одного часа» [Творения 1994. 4: 22].

В параллель этому письму к «г-же NN» и вслед за ним, в тот же день, было написано еще одно — к Варваре Васильевне Швидковской: «Не

имеете, чем оправдаться на суде... дел нет". Делами оправдаться нечего и думать. Оправдание всецело идет от всех в силу крестной смерти Господа. Но есть побочности, кои тоже стоят, как условия... и хотя в совершенстве мы их представить не можем, но можем искренно желать их и искать, — и некий успех представить... посильный, но в меру всей нашей силы...» [Творения 1994. 6: 186]. Здесь же свт. Феофан сообщал: «Варваре Александровне я задал задачу — решить, в чем состоит *добрый ответ на судищи Христовом*, о коем молимся в просительной ектении... и написать ответ. Вот и вам то же пришлось написать. Буду ждать ответа. Но Варваре Александровне я приписал: хоть целый век не решит... пусть... только бы каждый день и даже час думала о сем. А вам что написать? Вы *решите тотчас и напишите*» [Творения 1994. 6: 186].

Текстуальное совпадение задачи, поставленной перед адресатами свт. Феофаном, дало основание считать, что знакомая В. В. Швидковской Варвара Александровна и есть «г-жа NN». Теперь, зная имя и отчество «г-жи NN», нетрудно было установить, что речь идет о духовной дочери преосвященного Феофана Варваре Александровне Иордан (урожд. Пущиной).

Впервые о В. А. Иордан написал Д. А. Чудинов в связи с ее письмами к выдающемуся иерарху Русской Православной Церкви архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве (Тихомирову) [Чудинов]. В конце 2013 г. исследователем в фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки были обнаружены 95 писем В. А. Иордан к преосвященному Савве; в 25 из них — упомянут свт. Феофан. Письма эти, как отметил Д. А. Чудинов, «частично публиковались еще до революции 1917 г. в "Богословском вестнике" — духовном журнале, который издавала Московская духовная академия (МДА), в качестве цитат в "Хронике моей жизни" преосвященного Саввы. Однако некоторое их число не было пропущено в печать цензурой, поскольку Варвара Александровна весьма смело рассуждала о делах духовных и светских, о политике, о церковных иерархах, о министрах и даже об императорской семье, щедро делаясь с корреспондентом своими мыслями и соображениями по тому или иному вопросу» [Чудинов].

Вскоре после этой первой публикации В. А. Кислов, краевед из Гатчины, посвятил В. А. Иордан небольшой биографический очерк «Варвара Александровна Иордан (1833–1916)» [Кислов]. В поле зрения Кис-

лова Иордан попала в связи с тем, что с 1897 по 1900 жила в Гатчине: сначала в доме Пожидаева (№ 8) на Елизаветинской (Достоевского) улице, а через год — в доме Елисеева № 7 на улице Константиновской (Радищева).

Генеалогические разыскания Кислова дали любопытные результаты: «Варвара родилась в Тамбове, в семье Александра Пущина, сведений о котором мне найти не удалось. Не известно мне и имя его супруги, а это важно, ибо она до брака с Пущиным была женой князя Василия Осиповича Щетинина (1792–1829), и от этого брака родилась в 1828 году единоутробная сестра Варвары Пущиной — Александра Васильевна Щетинина, которая позднее стала женой ректора Петербургского университета, поэта и издателя Петра Александровича Плетнёва (1791–1865)» [Кислов].

Очерк Кислова начинается так: «Эта замечательная женщина за свою долгую жизнь не “отметилась” какими-то достижениями в науке или искусстве. Но свой след в истории России Варвара Александровна все же оставила. И след этот — ощутим и зрим: во-первых, в Тверской картинной галерее находится ее портрет, написанный в 1855 году замечательным русским художником-портретистом С. К. Зарянко; во-вторых, сохранились написанные по ее просьбе и посвященные ей воспоминания (впервые опубликованы в журнале “Русская старина”) ее мужа Федора Ивановича Иордана (1800–1883), одного из лучших граверов России; в-третьих, Варвара Александровна, несмотря на большую разницу в возрасте, была нежна к мужу, вдохновляла его в творчестве, служила утешением в дни его старости» [Кислов].

Федор Иванович Иордан был любимым учеником выдающегося русского гравера академика Н. И. Уткина. По окончании Петербургской Академии художеств, продолжил совершенствоваться граверное мастерство у известных мастеров в Париже и в Лондоне; с 1834 г. много лет провел в Италии, занимаясь подготовкой рисунков мировых шедевров и последующей их гравировкой. Уже в молодые годы Иордан стал членом нескольких европейских академий; в 1844 г. Императорская академия художеств наградила его званием академика.

С семьей П. А. Плетнева Иордана познакомил в 1850 г. его наставник и старший друг Н. И. Уткин. «Отправляясь в этот всеми уважаемый дом, — вспоминал впоследствии Иордан, — мог ли я предполагать, что его семейство будет источником моего будущего счастья?

Входим; при первом знакомстве с П. А. Плетневым, которого я совсем не знал, я был поражен простотою его обращения, какое часто встречаешь в чужих краях, знакомясь с именитыми учеными или художниками. Не прошло и часа, как я был влюблен в этого именитого мужа. Когда же явилась его супруга, когда я увидал ее улыбку, живой блеск глаз, ее очаровательную манеру говорить и рассказывать, то я был совершенно побежден. Эти глазки, опущенные собольими ресницами и бровями, приводили меня в трепет. Прошло немного времени в беседе, но под влиянием их доброты мне казалось, что я был знаком с ними уже несколько лет. Затем, по обычному в России гостеприимству, нас пригласили откусать чай. Вхожу в столовую, очарованный столь неожиданным знакомством, и вижу двух милых девиц в полном цвете лет, дышащих здоровьем и прелестных, как майский день. Едва слышным голоском они приветствовали меня, делая маленький реверанс. Когда добрые хозяева пригласили Н. И. Уткина и меня к столу словами: “Прошу садиться”, — тогда только эти милые девушки подняли на нас глаза и взглянули на меня. Боже мой, что я чувствовал! Мне казалось, что я, подобно холодному куску извести, который закипает, будучи брошен в воду, весь кипел внутри, стараясь казаться хладнокровным. Старшая из двух сестриц, которой очаровательная М-те Плетнева представила меня, дышала здоровьем, и во всей ее фигуре было что-то решительное. Я не мог, как художник, не рисовать ее в своем воображении... Другая сестрица, на вид моложе первой, была какою-то детски-откровенною и начала осторожно, как будто издали, расспрашивать о моем вояже. Но меня неотразимо привлекала старшая. В младшей все было еще так молодо, а старшая, при всей ее красоте, казалась девицею уже вполне созревшею; мог ли я в то время думать, что это прелестное создание будет моею подругою в жизни. Вся обстановка дома, доброта хозяев и прелесть невинных двух сестриц — все приводило меня в какой-то неописанный восторг, и хотя я едва успел с ними познакомиться, но когда мы вновь перешли в зало, я не помнил себя и с жаром начал описывать жизнь в Италии, восхищаясь в то же время моими прелестными слушательницами, так мило воспитанными, которые с участием слушали каждое слово моего рассказа. Время было уже позднее и как ни было жаль, но следовало проститься. Выйдя на улицу, я сердечно благодарил Н. И. за столь приятное знакомство; я был в восторге от их милой обстановки, от доброго П. А. Плетнева, от его жены и от ее двух

сестриц, из которых старшая, говорил я моему старичку, совершенная “Таня Пушкина”. Сбросив с себя брентную одежду и улегшись на диван, я долго ворочался во все стороны, пока Морфей не сомкнул моих глаз» [Иордан: 278–280].

Прошло несколько лет. Воспоминания о них в «Записках» Иордана относятся преимущественно к его творческой биографии. Но, как видно, образ семнадцатилетней Варвары Пушиной никуда не исчезал из сердечных глубин. В 1855 г. известие о кончине императора Николай I застало Иордана в Италии. «Много было толков, — вспоминал он, — я же молил Бога, как бы скорее уехать и начать жить дома спокойною жизнью, и, если можно, семейною, о которой я давно мечтал. Я мысленно переносился к тому очаровательному существу, которое я встретил в бытность в Петербурге у П. А. Плетнева, где я так приятно провел вечер» [Иордан: 291].

Уткин, по-видимому, возложил на себя роль свата и нашел благосклонный отклик в семье Плетневых. Но Иордан об этом ничего не знал. «В чудный июньский день, пообедав у Н. И. Уткина, мы по обыкновению отправились пить кофе в сад, прилежащий его квартире. Чувствуя себя в веселом настроении духа, я завел с ним разговор об упоминаемой в его письме награде, которая меня ожидает дома. Смущаясь, он мне отвечает: “Верно, вы сами догадаетесь?” Разумеется, я не задумался ответить, что моею женою будет милая “Таня” Пушкина или никто. Услыхав, что почтеннейшее семейство Плетнева живет в Лесном, я просил Н. И. Уткина посетить его в следующее воскресенье; старичок улыбнулся и немедленно согласился. Разумеется, я предупредил его, сказав: “Если можно иметь надежду, я рад, если же нет, то незачем тратить время, чтобы не навлечь на себя в мои годы каких-нибудь неприятностей, вроде шуток и насмешек, которые меня пугали, когда я думал о ней еще во Флоренции; но припоминая ее годы и ее обстановку, мне кажется, голубчик Н. И., что оно неисполнимо”. Старичок улыбался и потирал руки. “Дождитесь воскресенья, тогда вы ее увидите и сами поговорите”» [Иордан: 293–294].

Иордан «кипел, как кратер Везувия» [Иордан: 295], но сомнения одолевали его с не меньшей силой: может ли он, 55-летний мужчина, далеко не красавец, претендовать на красивую, молодую и отлично воспитанную девицу. Варвара Александровна «имела порядочное состояние, была примерно трудолюбива, наука и хозяйство — ее первые

занятия, встает в 5 час. утра, гостей терпеть не может, в гости ходить не любит и всю свою жизнь посвятит своему избранному. Боже избави, чтобы она решилась прекословить своему мужу. Смирение, кротость и живая молитва к Богу — вот девиз ее будущей жизни — и быть агнцем покорности и кротости перед мужем, во всем его слушать и беспрекословно во всем ему повиноваться» [Иордан: 295–296]. Утром того важного дня, когда должен был прозвучать ее ответ на предложение Иордана, Варвара Александровна «была у обедни, которую простояла на коленях, не переставая усердно молиться со слезами на глазах» [Иордан: 296].

30 октября 1855 г. в церкви св. апостолов Петра и Павла при Петербургском университете состоялось венчание. Посажеными родителями жениха были графиня А. И. Толстая, жена вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого, и Н. И. Уткин; шаферами — хранитель академического музея К. А. Ухтомский и недавно вернувшийся в Петербург В. В. Стасов. «Я стал человеком семейным...», — подвел черту Иордан.

Вскоре Варвара Александровна уехала в Париж, прожив там до марта 1857 г. Иордан был занят гравировкой портрета Н. В. Гоголя с оригинала Моллера («портретом весьма схожим и хорошо написанным» [Иордан: 300]) — во исполнение завещания писателя, вошедшего в «Выбранные места из переписки с друзьями», покупать только тот портрет, на котором будет стоять: «Гравировал Иорданов». «Мне хотелось было выгравировать его строгим манером, но, в силу некоторых личных соображений, я решился выгравировать его рисовальным манером, чему многие удивлялись» [Иордан: 300–301], — вспоминал Иордан.

По возвращении Варвары Александровны из Парижа супруги «свыкались все более и более»: «...она обладала наидобрейшим сердцем и была супругою поистине безупречною, несмотря на многие искушения, которые готовила ей жизнь» [Иордан: 301]. Художник А. А. Иванов, хорошо знавший Иордана многие годы, даже считал, что «жена безграничными ласками мешает его делам, несмотря на искреннюю любовь обоих» [Александр Андреевич Иванов: 347]. Об этом он писал брату 21 июня 1858 г.

Свидетельства семейного счастья Ф. И. Иордана — в его письмах 1860-х гг. к Федору Васильевичу Чижову.

1860, 26 декабря: «Моя женка шлет Вам поклон»¹ (15).

1862, 3 апреля: «Желаю всего лучшего, женку иметь под боком и все милые следствия от супружеского магнетизма или теплой гимнастики. <...> Моя жена присовокупляет к моему почтению Вам свое почтение» (17).

1866, 17 марта: «Моя женочка, я и малютка моя искренне Вам кланяются и ожидаем скорого Вашего приезда, когда и надеемся все вас сердечно обнять» (19).

1866, 10 июня: «Женка и ребенок веселят меня и Вам искренне кланяются. Подарите Вашим ответом, чем одолжите душевно Вас любящего и уважающего друга и медиреза Ф. Иордана» (22).

1866, 3 июля: «Милая моя Варя от всякой работы выжидает от меня себе подарка, что я и выполняю всегда с удовольствием, тем более от священно-законно-живительного подарка она со всею преданностью воли Божией видит себя вполне лишенною, поэтому-то эту потерю я и стараюсь заменить мелкими, по силе гравера возможностями, подарками» (24 об.).

1866, 17 июля: «Жена моя и малютка Саша просят присовокупить их искренний Вам поклон и свое почтение» (29).

1866, 28 июля: «От души посылаю Вам мое искреннее почтение. Варичка и Шура также просят засвидетельствовать Вам свое почтение» (31). К дате письма приписка: «Памятный день: получение согласия Вари в 1855 г. вступить в брак с Ф. И. Иорданом» (30).

1866, 5 сентября: «Мой ангел Варя имела несчастье испытать ненадежность наших дрожек. Отправляясь после святого всенощного бдения, во время говенья, в Гостинный двор с другой девицей, потучнее и повыше себя, и наехав на камень, тучная осталась на месте, а моя бедняжка очутилась на мостовой, чем и повредила себе воистину святые свои голени, на которых, принося Богу свои утренние и вечерние молитвы, по часам дает им чувствовать вес милой своей верхней половины, и поправка этих голеней мне стоит, за каждый визит, оттиска гравюры Министерства финансов на зеленой бумаге (сиречь 3 руб.) (32–32 об.).

1866, 23 декабря: «Женочка моя с малюткою свидетельствуют Вам поклон и всего лучшего на наступающие праздники и Новый год» (35).

¹ Иордан Ф. И. Письма к Чижову Ф. В. 1876 // РГБ. Ф. 332. К. 31. Ед. хр. 20. Здесь и далее листы указаны в тексте в круглых скобках.

1867, 24 марта: «...всего лучшего и при засвидетельствовании от меня и от моей милой Вари, которая сегодня исповедуется» (39).

В этих же письмах Ф. И. Иордана к Чижеву — многие подробности подготовки им второго гравированного портрета Н. В. Гоголя. Как видно, вдохновение работе придавала любовная атмосфера в семье.

Служебная карьера Иордана складывалась успешно. «Юбилейный справочник Императорской Академии художеств» сообщает: «С 1871 г. ректор живописи и скульптуры. В 1874 г., по случаю 50-летнего юбилея его художественной деятельности, была поднесена ему Академией золотая медаль. В 1875 г. был назначен заведующим Мозаичным отделением (по смерти Бруни). Состоял хранителем Эрмитажа (с 1860 г.). Известны его работы числом до 75» [Юбилейный справочник: 432]. Скончался Иордан 19 сентября 1883 г.; его могила на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга.

Переписка Варвары Александровны со святителем Феофаном началась за четыре года до кончины мужа.

Первое известное письмо преосвященного датировано 18 октября 1879 г. Вопрос, с которым обратилась В. А. Иордан, касался понятия *милость* в Священном Писании. «Есть дела милосердия и милости-вость сердечная, — ответил свт. Феофан. — Первые получают цену от последней, но возможно и без нее, и тогда они настоящей цены не имеют. У Апостола имеется в виду этот последний случай. Приложим ли он к вам, сами смотрите. Увидеть это не мудрено. Из сердца ли идут ваши дела, или делаются по каким-либо сторонним движениям, сознание ваше не может ошибиться в определении сего» [Творения 1994. 1: 115]. Следующий шаг, обозначенный свт. Феофаном, — понять природу своей милостивости: является ли она природным расположением или «исходит самодеятельно из любви к Богу и покорности воле Его» [Творения 1994. 1: 115]. Необходимо всякое дело делать, «как бы оно прямо вам самим Богом было поручено» [Творения 1994. 1: 115]. Был у В. А. Иордан и волновавший ее практический вопрос исповедального свойства, на который она также получила ответ: «Серчание, осуждение, неснисходительность, взыскательность к прислуге... все это конечно не добродетели и умаляют общую добротность вашего нрава. Потому подлежат исключению из списка ваших качеств» [Творения 1994. 1: 115]. Письмо завершали рекомендации, как исправить себя.

Круг петербургских корреспонденток свт. Феофана составляли особы из высокопоставленных семей, стремившиеся, как и В. А. Иордан, к духовной жизни. В письмах, отправленных из Вышенского затвора, встречаются имена О. С. Бурачек, М. В. Орловой-Давыдовой, О. Е. Путьятиной, П. В. Саломон, В. В. Швидковской, О. А. Новиковой и др. Преосвященный даже видел возможность составить из них некое общество: «И выйдет не монастырные монахини или вне монастырское подвижничество» [Творения 1994. 4: 53]. Если приходило сообщение о робеющей вступить на путь ко спасению, свт. Феофан требовал от своих адресатов проявить решительность: «Какая еще там красавица все еще мямлит и дороги не находит в обитель! Помоги ей Господи, наконец, встать, топнуть ногою и зашагать бодро, никого и ничего не боясь. Да подаст ей Господи такую благодать» [Творения 1994. 4: 34].

Положение в привилегированном обществе давало возможность адресатам выполнять некоторые поручения свт. Феофана. Так в письме от 18 июня 1880 г. есть указание на то, что В. А. Иордан помогала свт. Феофану собирать материал о пашковщине. Именно ее «записочка с мыслию одной пашковки» [Творения 1994. 1: 119], переданная через О. С. Бурачек, «очень много значит», как подчеркнул преосвященный, при подготовке им для журнала «Душеполезное чтение» четырех «Писем в СПб по случаю появления там нового учителя веры». Распространявшаяся в аристократических кругах Петербурга ересь лорда Гренвиля Редстока и подхваченная «Обществом поощрения духовно-нравственного чтения», организованным полковником В. А. Пашковым, была крайне опасна. «Если оставить Пашкова на свободе действовать, то он образует секту — немецкое молоканство» [Творения 1994. 7: 126], — бил тревогу свт. Феофан. И предупреждал В. А. Иордан: «Они <...> суть истые молоканы и духоборцы. Попытайте и эту сторону дела. Но смотрите, как бы и вас не обуял тот же дух прелести. Он очень льнуущ» [Творения 1994. 1: 119].

Еще одна просьба содержится в письме свт. Феофана от 23 января 1892 г.: «Но мне желалось бы знать, что-либо о пр<еосвященном> Леонтии. В газетах *Моск<овские> Вedom<ости>* кое-что пишут. Но в последних номерах поминается университетское торжество, где был и В<еликий> Князь, а владыки не было. Уж здоров ли он?» [Творения 1994. 4: 29–30]. Речь идет о смертельно заболевшем митрополите Московском и Коломенском Леонтии (Лебединском). И здесь же на

В. А. Иордан наложена епитимья — «за то, что вы не прописали мне, как шло дело о назначении владыки митрополитом Московским... Не поленитесь написать, если знаете» [Творения 1994. 4: 30]. Через год свт. Феофан повторил просьбу: «У вас там в Москве есть добрые знакомые. Предпишите им наистрожайше, чтобы писали вам, как все началось, и шло, и идет, а вы известите Вышу, пожалуйста. Пригрозите им, чем знаете, чтобы поскорее написали и подробно. Ну, делать нечего. Будем охать и молиться ко всемилостивому Господу» [Творения 1994. 4: 43].

Корреспонденты становились для Вышенского затворника связующим звеном с внешним миром. «Сколько передали вы в своих письмах новостей приятных и неприятных, но всегда занимательных! Приношу вам за это большую благодарность» [Творения 1994. 4: 33], — писал свт. Феофан В. А. Иордан 24 марта 1892 г.

В контексте переписки эпистолярные документы обладают свойством отражать содержание других писем. Поэтому, даже не располагая письмами В. А. Иордан к свт. Феофану, возможно в общих чертах уловить то, что в них сообщалось, тем более что В. А. Иордан испытывала явную потребность духовного общения, и письма к преосвященному давали ей такую возможность. «Мне совсем не скучно, что вы пишете, — отвечал свт. Феофан. — Потому нечего вам извиняться, что пишете и будто от дела отвлекаете. Разве я все за делом сижу?! Мало ли времени проходит в пустяках» [Творения 1994. 1: 119]. И в другом письме: «Мне не скучно вам отвечать и время можно найти. Потому можете свободно обращаться с своими духовными вопросами» [Творения 1994. 1: 128].

Биографическая канва и духовная биография отражаются, как правило, в разных источниках. Письма свт. Феофана содержат мало сведений о внешних событиях жизни его корреспондентов. Еще раз следует подчеркнуть, что немалую роль в этом сыграла воля самих адресатов, удалявших при подготовке писем к публикации узнаваемые факты и подробности. В то же время в них много сообщений о неустанной духовной работе, о ее трудностях, о преодолении этих преград, о минутах отчаяния и о победах над собой.

В письме свт. Феофана к «г-же NN» от 18 мая 1880 г. дана духовная оценка тех житейских обстоятельств, о которых жаловалась А. В. Иордан: «Прочитавши вами сообщенное, не мог я удержаться, чтобы не

сказать: какая прекрасная у вас обстановка! Разумею в отношении к делу спасения. И вот вам мое решение. Не только все предайте в руки Господа, но еще благодушествуйте, радуйтесь, благодарите. Верно, есть, что из вас выбить, и вот Господь направил на вас столько молотков, которые и колотят вас со всех сторон. Не мешайте же им своим сержанием, противлением, недовольством. Дайте им свободу, пусть, не стесняясь ничем, совершают над вами и в вас дело Божие, к которому Господом приставлены для спасения вашего. Господь любит вас и взял вас в руки, чтобы вытеснить из вас все негодное. Как прачка мнет, трет и колотит белье, чтобы убелить его, так Господь трет, мнет и колотит вас, чтобы убелить вас и приготовить к наследию царствия Своего, куда не войдет ничто нечистое. Так взирайте на свое положение и утвердитесь в нем, и Господу молитесь, чтобы Он утвердил в вас такое воззрение и углубил» [Творения 1994. 1: 116].

Семейная жизнь, очевидно, представлялась В. А. Иордан своего рода преградой к духовному росту. Это распространенное заблуждение она, как можно предположить, поведала свт. Феофану, на что получила ответ: «Брачная жизнь не затворяет двери в царство небесное, может не мешать и в духе совершенствоваться. Не во внешних порядках дело, а во внутренних расположениях, чувствах и стремлениях. Их и поревнуйте всадить в сердце. Читайте Евангелие и Апостол, и смотрите, как следует быть христианину настроену, и позаботьтесь так настроиться. Понемножку все придет и займет свое место. Главное молитва. Она барометр духовной жизни. Непрестанно надо с Господом быть: ибо без Него ни в чем успеха не будет» [Творения 1994. 1: 118].

Обращает внимание, сколь проникательно видел свт. Феофан в присланных ему письмах потребность пишущих; угадывал ее за словами не всегда удачно подобранными и поэтому не всегда точно передающими суть духовного состояния корреспондента; умел определить основную причину внутреннего нестроения и недовольства собой. Видеть свои грехи и правильно определять их — залог верного пути ко спасению. На это свт. Феофан многократно обращал внимание В. А. Иордан.

Художественные приемы в письмах, яркая образность сравнений, легкость стиля, его разговорная форма делали содержание не только понятным, но и прочно укоренявшимся в сознании и в сердце. «Ваших компаньонов или приживалок (малотерпенье и безропотность, гордость, раздражительность, суетность, празднословие, злословие, не-

воздержание в словах и в пище, паче всего леность к молитве), конечно, нельзя похвалить; но то хорошо, что они замечаются, и не только замечаются, но и выставляются на показ, — чего сии сударыни терпеть не могут. Вы всякий вечер доносите на них Господу, когда пересмотрев все прорвавшееся в продолжение дня скажете: “Господи! Ты все видишь! Прости, и дай мне уменье не поскользаться в сем”. Если будете так делать, то они одна за другой забудут и двери ваши. Только одну из них сейчас же уколотите, сожгите и прах по ветру развеите... Это леность к молитве. Разозлитесь на нее и сейчас же уничтожьте, чтоб дух ее не пах» [Творения 1994. 4: 3]. И в других письмах свт. Феофан определял молитву как «барометр духовной жизни» [Творения 1994. 1: 123].

Постепенно в письмах В. А. Иордан стала проступать исповедальная полнота, что сразу отметил свт. Феофан 13 января 1882 г.: «Это первое ваше настоящее письмо: душа писала» [Творения 1994. 1: 123].

В год смерти мужа перед В. А. Иордан особенно остро встал вопрос, как примирить духовное и житейское. «Бросить ваших дел житейских нельзя, — отвечал свт. Феофан. — Вы связаны в отношении к ним заповедями, и нарушая их или не исполняя будете делать неугодное Господу. На все есть заповеди, на все отношения ваши к мужу и слугам, и к родным, и ко всем сторонним. Так уясните себе, как должны вы действовать по заповедям относительно всех и всего и действуйте так... Это конечно будет занимать ваше внимание. Спрашивается, как же Господа при сем иметь во внимании? Так: какое бы дело, большое или малое, вы ни делали, держите в уме, что его вам повелевает делать Сам Господь Вездесущий и смотрит, как вы его сделаете. Так себя держа, вы и дело всякое будете делать со вниманием, и Господа будете помнить. В этом весь секрет успешного для главной цели действия в вашем положении. Извольте в это вникнуть и так наладиться. Когда так наладитесь, тогда и мысли перестанут блуждать туда и сюда...» [Творения 1994. 4: 7].

Нередко В. А. Иордан жаловалась на нехватку времени и получала от свт. Феофана разъяснение, что «Марфа бывает не одна житейская, есть Марфа и духовная»: «То, что у вас времени недостает по причине хлопот и семейных и вне семейных дел, тоже милость. Кому все некогда, тот не имеет, когда поскучать от праздности и безделья; не имеет вместе и опасности, какой подвергаются праздные. Одно только надо бы устранить, — именно душевную из-за того непокойность. И мне

думается, что это удобно достигнуть, не гоняясь за многоделанием, а делая со всем вниманием лишь то, что предлагается сделать течением дел» [Творения 1994. 1: 124]. И еще один важный совет следовал с Выши: «Желаете знать духовное против неудовольствия на прислугу врачевство? Кажется у Лествичника написано: первый прием против сержания — молчание уст» [Творения 1994. 4: 28].

После смерти мужа 19 сентября 1883 г. В. А. Иордан постоянно ощущала потребность уехать из Петербурга, оставить привычную обстановку. Свт. Феофан не соглашался с этими порывами; считал, что необходимо «подладить порядки жизни к требованиям духа» [Творения 1994. 4: 11], что «внутренний строй, или некое в вас настроение <...> с вами поедет, куда ни удаляйтесь! Стало быть, скорее сюда и должно обратить внимание и все усилия; т.е. внутри лад устроить независимо от внешней обстановки» [Творения 1994. 4: 11]. Но по прошествии некоторого времени преосвященный благословил свою духовную дочь на паломничества по святым местам России. «Сколько сокровищ набрали вы во время летнего своего странствия по обителям! — писал свт. Феофан 20 декабря 1888 г. — Читаешь и восхищаешься вместе с вами <...>. Сколько надавали вам сотов духовных. Вот вы сидите теперь и повторяйте вкушение их. Дай Господи на здоровье! Как видится, вас совсем отвело от <Петербурга>. И пребудьте такими. Жалеть нечего. Если верно, что вы знаете только церковь, да келью, то вам не мудрено к сему приложить, а из кельи на небо будет преображенное движение» [Творения 1994. 4: 23].

В письме к общей знакомой В. В. Швидковской свт. Феофан упоминает о летнем паломничестве В. А. Иордан: «Варвара Александровна хорошо сделала, что поехала. Теперь не будет уже тянуть ее поездка туда и сюда. В Сергиевой пустыни можно найти покой, если захочет и умудрится. Желая ей покоя внутреннего, паче внешнего» [Творения 1994. 6: 184]. Через месяц, 26 октября 1888 г., тому же адресату: «Варвара Александровна описала коротко все кружение свое по обителям. Впечатление хорошее осталось; и может чрез воспоминание поддерживать добрые ее решения. Описала также прощание с Санкт-Петербургом и петербургскими... Со всеми в ладах рассталась; но не жалкует» [Творения 1994. 6: 187].

Летом 1892 г. свт. Феофан благословил паломничество на Валаам: «Даруй Господи утешиться вам там святым утешением. Наберитесь та-

мошним воздухом побольше, чтобы хватило не на один год» [Творения 1994. 6: 37].

В. А. Иордан ездила и в Кронштадт — к о. Иоанну. О своих впечатлениях писала на Вышу. Свт. Феофан отвечал кратко, но с великим почтением: «О. Иоанн быстротечный... удивляюсь, как он выносит столько хлопот. И труд спасительный, и воздаяние многое. Спаси его Господи!» [Творения 1994. 4: 63].

Неизменную благодарность свт. Феофана вызывали изящные знаки внимания В. А. Иордан, которые он получал преимущественно по почте. «Первое место иконкам. Я их очень люблю. Карандаши какие представительные! Как-то они будут писать и как крепки при заострении!?. Бумага для писем разлинована глазастей, чем обыкновенная. Да и все прекрасно. <...> Чернила и прекрасная чернильница очевидно для чего. — Писать... буду писать к вам письма ими и перьями вашими, как уже и пишется сие письмо» [Творения 1994. 4: 45]. В посылках бывало и то, что «для Выши непостижимо... и я не видывал...» [Творения 1994. 4: 45]. В таких случаях свт. Феофан без обиняков спрашивал: «Теперь поясните мне эти неписанные книжки и книга — что суть и для чего назначаются? Конечно для письма чего-либо, но чего? Уж не дневник ли? Это мне нередко приходило в голову. Но какого содержания следует быть дневнику? Такого ли, как отца Иоанна? Это самое лучшее. — У меня есть сему образчик... в письмах к разным лицам... в конце. — Но порождение таких мыслей прекратилось. Если не воротятся такие мысли, не придется писать такого дневника. Записывать бы текущие дела; например, болезнь владыки Леонтия и под. — Но много ли таких? Выходит, что почти нечего писать. Но пусть полежит. Положу их на глазах и они своим видом, предлагая мне вопрос о себе, доведут когда-нибудь и до решения его. Однако ж это не увольняет вас от показания, с какою мыслью они прибыли на Вышу. <...> Но клею что клеить? Конверты — дело обычное, но что значат листики, наколотые по краям?» [Творения 1994. 4: 45].

Годы переписки сближали корреспондентов и располагали свт. Феофана к воспоминаниям. В этом случае его письма к В. А. Иордан становятся уникальным источником биографии преосвященного. Так упоминание ею митрополита Платона (Городецкого) воскресило в памяти семинарскую юность: «Благой и мудрый владыко! Он был моим наставником в Орловской семинарии, кажется в 29 г. два месяца. Он уехал в

СПб. академию, а к нам приехал ректором архим. Исидор, нынешний владыка С.-Петербургский, и был у нас 4 года с небольшим. Я очень его помню... да и все орловцы помнят. Пр. Серафим Воронежский был его любимый ученик. Также Лаврентий Иверский, настоятель, предивного нрава человек. Других таких не помню. Я при нем был в низшем и среднем отделении семинарии. Он часто назначал меня читать в субботних собраниях мои философские бумагомарания. У него были заведены в первые часы в субботу собрания всех классов в большую залу, на коих ученики всех классов читали свои сочинения, какие Владыке понравились. — Еще помню, — в словесности — первом классе семинарии, почему-то назначено было нам дома, в родительском доме на Рождественском отпуске написать проповедь по своему выбору предмета. Я писал ее с большим воодушевлением, за то отец ректор (теперешний ваш Владыка) повелел мне представить ему список. Тогда я долго не по земле ходил, а выше облаков. Вот сколько я наболтал, забывшись. Прошу извинения. <...> Однако же лучше мне ныне перестать писать, ибо очевидно подлежу недоброму припадку болтливости. Виноват!» [Творения 1994. 4: 31–32].

Когда издательством Афонского Русского Пантелеимонова монастыря были выпущены под одной обложкой избранные тамбовские и владимирские проповеди свт. Феофана «Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество», преосвященный занялся рассылкой этих небольших книжек (134 стр.) в дар своим духовным чадам. «Мои слова — “напоминание инокиням” — теперь как раз к вам подходят, — писал он В. А. Иордан 8 марта 1893 г. — Шлю их вам десять экземпляров. Недавно получил их. В С.-Петербург моим красавицам pošлю особо... или шлю теперь же» [Творения 1994. 4: 48]. По прочтении, В. А. Иордан написала на Вышу о своем «добром впечатлении» и получила в ответном письме редкое описание того, как рождались многие проповеди свт. Феофана. «Особенность моих проповедей — и этих, и всех других — та, что они не сочиняемы. Обычно бывало вечером, после всеобщей выпью стакан чая, прочитаю Евангелие завтрашнее, потом Апостол... и какая мысль впадет и займет внимание и сердце, ту беру в тему... и проповедь там внутри уж сама собой строится. Час, полтора, много два... и проповедь готова... утром прочитаешь, немножко подладишь. Иногда тему дают внешние обстоятельства, как бывало при посещениях монастырей..., но производ-

ство все то же. Это писанные экспромты; как они не из головы шли, то и представляют подслащенное нечто» [Творения 1994. 4: 50–51].

В письмах к В. А. Иордан также приоткрыты и некоторые подробности жизни преосвященного в затворе. В ответ на заботу о его здоровье свт. Феофан писал: «Целое лето я провожу почти на балконе, а обитель наша в лесу, тотчас за оградой лес. Зимой редко хожу на балкон — боюсь простуды: тут и простудился я теперь. Но комнаты проветриваются кроме форток отворением двери наружу, причем воздух весь переменяется — это почти каждый день. Движение не скупо. Больше хожу, когда читаю; сидя только пишу... что бывает не больше двух, трех часов в день. Усиленные занятия... прошло уже для них время. А когда они были, тогда не чувствовалось утомления. Лучше всего все производить от того, что время силы прошло; настала старость, которая очень податлива на недомогания» [Творения 1994. 4: 27].

О своей затворнической жизни свт. Феофан писал как о счастье. Часто цитируются его слова именно из письма к В. А. Иордан от 15 апреля 1892 г.: «Вы меня называете счастливым. Я и чувствую себя таковым, и Выши своей не променяю не только на С.-Петербургскую митрополию, но и на патриаршество, если бы его восстановили у нас, и меня назначили на него. Но меня не то покоит, что вы разумеете, хоть и это есть и может быть в преимущественной мере, а то, что Бог дал мне охоту к труду бумагомарания и к другому рукодельному. И я не видел... как летело время. Теперь вижу, потому что тот и другой труд пресекся. Бумагу мараить позывы пропали, а рукодельничать и леность и ослабление сил не позволяют» [Творения 1994. 4: 35].

Последнее письмо к В. А. Иордан свт. Феофан завершил словами: «*Душеполезное Чтение* я получаю, это единственный журнал, где статьи не отуманиваются мудрованиями» [Творения 1994. 4: 65]. В письмах к архиепископу Савве, выявленных Д. А. Чудиновым, В. А. Иордан подчеркивала, что она является духовной дочерью свт. Феофана. Столь высокая оценка православного журнала «Душеполезное чтение» стала главным и единственным аргументом в решении судьбы хранившихся у нее писем с Выши.

О своем духовном сиротстве после кончины свт. Феофана В. А. Иордан писала архиепископу Савве: «Не могу до сих пор привыкнуть к мысли, что преосвященного Феофана более нет, он как будто все унес с собою»; «Вот и конец года, вот близится и роковая годовщина — кон-

чина преосвященного Феофана и с нею мое сиротство. До сих пор не верится мне, что его нет более. Некоторые из его писем, в числе 45, я послала в “Душеполезное чтение”, это был его любимый журнал»; «Исполнилось 15 месяцев, как скончался преосвященный Феофан. Я всякую субботу служу по нем панихиды и не могу без слез вспоминать о нем...» [Чудинов].

Список литературы

Источники

Александр Андреевич Иванов: Его жизнь и переписка 1806–1858 гг. СПб.: Изд. М. Боткина, 1880. 478 с.

Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Из неопубликованного. М.: Правило веры, 2001. 656 с.

Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Вып. I–VIII. Паломник, 1994.

Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914 / сост. С.Н. Кондаков. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1915. Т. 2. 454 с.

Исследования

Иордан Ф. И. Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. С. Беляев; науч. ред. Г. В. Бахарева. СПб.: БАН, 2012. 384 с.

Кислов В. А. Варвара Александровна Иордан (1833–1916). URL: <http://kraeved-gatchina.de/ocherki/vydayushchiesya-zhiteli/iordan-varvara> (дата обращения: 10.11.2021).

Чудинов Д. А. Неизвестная духовная дочь Феофана Затворника: из переписки В. А. Иордан и Саввы (Тихомирова). URL: <http://svtheofan.ru/item/1854-chudinov-dmitpiy-aleksandpovich.html> (дата обращения: 10.11.2021).

References

Iordan, F. I. *Zapiski rektora i professora Akademii khudozhestv Fedora Ivanovicha Iordana* [Notes of the Rector and Professor of the Academy of Arts Fedor Ivanovich Iordan], comp., introd. and notes by N. S. Beliaev. St. Petersburg, BAN Publ., 2012. 384 p. (In Russ.)

Kislov, V. A. *Varvara Aleksandrovna Iordan (1833–1916)*. Available at: <http://kraeved-gatchina.de/ocherki/vydayushchiesya-zhiteli/iordan-varvara> (accessed 10 November 2021). (In Russ.)

Chudinov, D. A. *Neizvestnaia dukhovnaia doch' Feofana Zatvornika: iz perepiski V. A. Iordan i Savvy (Tikhomirova)* [The unknown spiritual daughter of Theophan the Recluse: from the correspondence between V.A. Iordan and Savva (Tikhomirov)]. Available at: <http://svtheofan.ru/item/1854-chudinov-dmitpiy-aleksandpovich.html> (accessed 10 November 2021). (In Russ.)